

Василий Сигарев

СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Роман - 20 лет

Людмила Ивановна - его мать, учитель начальных классов, 40 лет

Петр Петрович - отец Романа, инвалид, 50 лет

Марина - 20 лет

Виктор

Сергей

Наташа

Милиционер

Чума, чума пришла в мой город. Ходит по улицам, косит больных, здоровых, слабых, сильных, всех. Ходит, приглядываясь, будто ищет чего-то. Не мою ли улицу, не мой ли дом, не мой ли подъезд, не мой ли этаж, не мою ли дверь?

Нашла! Стучится! Нет, мы не станем ей открывать. Не станем. Только глянем один раз в глазок и на цыпочках уйдем в комнату. Закроем окна, заклеим бумагой щели будто б на зиму - не пустим ее. Пусть к другим идет, к другим стучится, просится. А у нас ей нечего делать. К нам счастье пришло в гости. Сидит, чай пьет. Других гостей нам не надо.

А если все-таки проникнет она?

Нет, если не думать об этом, то ничего и не будет.

Главное, не думать...

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Двухкомнатная квартира Симоновых на пятом этаже пятиэтажной “хрущевки”.

В большой комнате два стареньких серванта на облупленных ножках. Хозяева утверждают, что импортные, вроде как - югославские.

В сервантах книги и посуда. Книги стоят в два ряда. Во внешних рядах - новенькое, полное (хотя и не все тома) собрание сочинений В.И. Ленина в красивых синих переплетах, приобретенное в начале 90-х за символическую цену, равную стоимости трех с половиной коробков спичек. Держат великого вождя, в основном, “для мебели”, но Петр Петрович иногда берет томик-другой пытаться начать читать. Остальное же время Ильич стоит на полках в почетных первых рядах, гордо поблескивая золотым тиснением, прикрывая собой потрепанные переплеты школьных учебников, спрятавшихся за ним, и любовно поглядывая на комсомольские вымпелы, что на стене напротив, которые тоже принадлежат хозяину.

Кроме сервантов в комнате пианино, диван и три кресла. Одно из них на колесах, инвалидное. В нем сидит Петр Петрович. Смотрит телевизор с подсевшим кинескопом.

Людмила Ивановна на кухне. Рядом с ней Марина. Ест суп.

Надрываясь, грохочет холодильник, сплошь усыпанный наклейками от жвачек.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А у нас ведь опять горе, Марина.

МАРИНА (*отложила ложку*). Ромка, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ромка ... Ромка ... Опять начал.

МАРИНА. Но вы же его ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Вот и полечили, называется. Я еще ссуду не вернула, а он...

МАРИНА. Это точно уже?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Точно.

МАРИНА. И сколько уже?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*готова заплакать*) Ой, Мариночка, не знаю я. Я ведь руки у него каждый день смотрела. Чистые все были. Радовалась. А потом, неделю назад захожу утром к нему в комнату, он раскрытый лежит. Хотела накрыть. Подхожу, а у него вот здесь - на икрах (*показывает*) вот такие дорожки. Все исколото - живого места нет! А ведь дома все был, выйдет на часик-другой и дома. Курить даже бросил. Книги все читал. На биржу поставили.

МАРИНА. А сейчас?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сейчас ... сейчас как с цепи сорвался. Спать только приходит. Утром уйдет, вечером придет. В открытую уже, в руки начал колоть. Шприц с собой таскает.

МАРИНА. А вы как думаете - давно?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Да не знаю я, Мариночка. Говорю же я, руки у него смотрела, а он в ноги научился. Да и какая разница - давно или недавно. Раз уж начал - все, не остановится.

МАРИНА. Остановится. Если недавно, то еще не поздно.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ой, не знаю я. Может, месяц, может, два ... а может, как из больницы приехали, - кто его знает. Он ведь все дома был. И руки чистые. Я каждый день почти смотрела.

МАРИНА. Нет, как из больницы вернулись, он не мог. Он же два месяца назад ко мне приезжал. Нормальный был. Нигде ничего. Я специально, когда спал, проверяла.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну значит, самое большое - два месяца. А что толку-то?

МАРИНА. Ехать опять надо. Лечить.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. На что?! На что лечить-то?! Где я эти пять тысяч теперь возьму? Ссуду опять брать? Да никто мне ее не даст больше - ту еще не всю вернула. И даже продать нечего. Он ведь тогда все вынес. Все золото, весь хрусталь, шапки все, постельное. Если только квартиру эту продать, поменять с доплатой. Вот только и выход. А так ... (*Заплакала*). Проще в петлю залезть, чтоб не видеть и не слышать ничего! Господи, как он меня измучал! Всю кровушку по капельке, по капельке высосал! Поседела вся за год, как бабка старая стала. Иной раз думаешь, лучше б он себе передозировку сделал что-ли, чтоб сам не мучился и нас не мучил ...

МАРИНА (*трогает ее за руку*). Людмила Ивановна, не надо ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ой, Мариночка ... Думаешь, легко про сына собственного так говорить? Мне ведь его жалко. Так жалко, что сердце кровью обливается. Потому и с собою ничего не делаю, что его спасать надо, вытаскивать из этого омута. Кроме меня он ведь больше никому на этом свете не нужен. Отец давно от него открестился. Смог. А я вот - не могу. Даже в петлю не могу, потому что никто ему больше не поможет. Только я. Мать. Это мой крест и мне его нести.

МАРИНА. Людмила Ивановна ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что, Мариночка?

МАРИНА. Этим не поможешь.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А чем поможешь? Чем?

МАРИНА. Ехать надо. Опять.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Да не на что мне его больше везти. Вон, сто рублей в кошельке последние. А квартиру менять отец не даст. На нем же она.

ПАУЗА.

МАРИНА. Я найду деньги.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Где?.. Они ж на дороге не валяются. Это ж не пять копеек.

МАРИНА. Я к бабке поеду - возьму. У нее на книжке есть ... На смерть лежат.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Там, в деревне?

МАРИНА. В деревне.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А даст? *(Без паузы, быстро)*. Я ей потом верну. Как с ссудой рассчитаюсь, так ей начну копить. Только бы вылечить его, вытянуть оттудова.

МАРИНА. Мы сами вернем.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Вы?

МАРИНА. Мы ... С Ромкой. Из больницы как вернется, так сразу распишемся.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (недоверчиво). Ты, Мариночка? С ним?

МАРИНА. А с кем еще ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Господи ... Правильно. Так и надо. Может, хоть это поможет, чтобы опять не начал. Ты только с ребенком ничего не делай. Рожай. Не бойся, что от наркомана он. Ерунда это все, что говорят. Нормальный будет. Главное, ты здоровая.

МАРИНА. Я и так рожать буду. Мне нельзя аборт делать.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. И рожай, не слушай никого. Тем более он тогда не кололся, когда вы ... *(Снова заплакала)*. Помоги мне, Мариночка, спаси его! Кроме тебя никому больше! Он же парень хороший, Ромка-то, сама знаешь. И любит тебя. Запутался он только, завяз в пучине этой. Ему руку надо протянуть, подать. Вместе только. А то одной мне не смочь. Помоги, Мариночка! Я тебе век благодарная буду. Помоги только.

МАРИНА. Людмила Ивановна, вы опять начали ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Все ... Не буду больше. *(Вытерла глаза запястьем)*. Ты ешь суп-то. Корми ребеночка.

Марина берет ложку, ест.

Остыл, наверное. Давай подогрею тебе.

МАРИНА. Не надо. Я так. Теплый еще. *(Ест)*.

Людмила Ивановна смотрит на нее почти с восхищением.

Только действовать как можно быстрее надо. Сегодня придет, поговорим с ним ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Про ребеночка сказать надо.

МАРИНА. Скажем. А завтра я к бабке, беру деньги ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А я тогда к наркологу пойду за карточкой, за его, за направлением.

МАРИНА. Все. А послезавтра можно ехать уже.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Дай Бог, чтобы все получилось! А я потом для вас все сделаю. В лепешку расшибусь. Только б получилось все. А то ведь целый год, как в аду. То одно, то другое. Отца вон угробили, довели. Сама постарела, почти до маразма дошла. В школе надо мной дети аж смеются. Бабкой в автобусе называют.

МАРИНА. Людмила Ивановна ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Все, молчу Мариночка ... Давай я тебе еще супу налью.

МАРИНА. Не надо. Я наелась. *(Встала, моет тарелку).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Да оставь ты ее, я сама потом.

МАРИНА. Я не привыкла так.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ой, Мариночка, чтобы я без тебя делала. У меня же совсем руки уже опустились. Ой, Мариночка, Мариночка! Ты же нам как дочка теперь. Я на тебя молиться стану. Ты только не бросай нас, пожалуйста! Вытащим вот Ромку и будете, как сыр в масле. Я для вас все.

МАРИНА. Людмила Ивановна, перестаньте.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Все молчу. Может тебе чаю согреть. Батон есть, маргарин шоколадный.

МАРИНА. Не хочу я. Мне в ванну сходить надо, а то в общежитии у нас уже неделю горячей воды нет.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сходи, Мариночка, сходи. Я тебе сейчас халатик, полотенце чистое. Подожди секундочку только.

Пошла в комнату, роется в серванте, достала халат, полотенце. Идет назад.

Петр Петрович бросает на нее короткий взгляд.

Вот. Все чистое. *(Отдала Марине халат с полотенцем).* Ты только не грейся там сильно. Вредно для ребенка это. Или под душем лучше.

МАРИНА. Я теплую сделаю.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну или так. Только не грейся. А как Ромка придет, я тебя позову.

МАРИНА. Ага. *(Уходит).*

Слышно, как начинает бежит вода в ванной.

Людмила Ивановна идет в комнату.

В это время в дверь звонят.

Людмила Ивановна подходит к ней, долго смотрит в глазок. Потом открывает.

На пороге парень в короткой кожаной куртке.

ПАРЕНЬ. Здравствуйте, Романа можно?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Его нет. А вы кто такой?

ПАРЕНЬ. Я ... друг. А когда он будет?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Он уехал.

ПАРЕНЬ. Куда?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. В деревню. Бабушка у нас заболела.

ПАРЕНЬ. В какую деревню?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Это далеко. На поезде ехать надо.

ПАУЗА.

ПАРЕНЬ. Ну извините тогда. До свиданья. *(Быстро спускается по лестнице).*

Людмила Ивановна некоторое время глядит ему вслед. Потом закрывает дверь и идет в комнату. Встала у Петра Петровича за спиной. Долго молчат.

Людмила Ивановна ожидает от него вопросов, но он ни о чем не спрашивает.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Послезавтра опять в больницу поедем.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ *(Не отрываясь от телевизора, безразлично).* Ну.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марина денег у бабки своей возьмет, сказала. В долг.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Ясно.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Беременная она. Два месяца уже.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Угу.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ромкино дите.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Понятно.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Рожать собирается.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ *(кивает).* Правильно.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Распишутся потом, говорит. Сама хочет.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Понял.

МОЛЧАНИЕ

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. С ней-то хоть поласковее будь. Она-то ни в чем не виновата.

Звонок снова издает долгий неприятный визг.

Понял?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Понял. Иди открывай. Сыночек твой ненаглядный, поди, пожаловал.

Опять звонят. На этот раз дольше и настойчивее.

Людмила Ивановна идет к двери, не глянув в глазок, открывает.

На площадке стоит молодой человек в спортивном костюме. За его спиной парень в кожаной куртке - "друг Романа" и девушка.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК *(курит и видимо, слегка пьян).* Вечер добрый. Вы мама Романа?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Да ... но его нет дома. *(Быстро).* Он в деревне. Бабушка у нас заболела.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А я не к нему. Я к вам. Персонально, если можно так выразиться.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА *(голос у нее задрожал)* Ко мне? .. А что случилось?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Тут такое дело, знаете. Финансового характера ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Можно мы зайдем? А то в подъезде как-то ...

ПАУЗА.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну, зайдите.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК Благодарю. *(Тщательно вытирает ноги о коврик у дверей, тушит сигарету о косяк, входит).*

Парень с девушкой стоят на месте.

Натали ... Серый ... Чего вы? За-хо-ди-те! Нас пригласили. Неприлично отказываться.

СЕРГЕЙ. Может мы здесь, Витя, подождем?

ВИКТОР (*сквозь зубы, ласково*). Заходите.

Сергей и Наташа входят.

Виктор закрывает за ними дверь. Запирает замок.

ВИКТОР (*Людмиле Ивановне*). Вы, конечно, извините за столь поздний час, но дело не терпит отлагательства. Так уж получилось, что завтра я должен буду лететь на самолете в одно место, и для этого мне нужны деньги.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*почти шепотом*). Что?

ВИКТОР (*делает вид, что крайне удивлен ее вопросом*). Разве Роман не ввел вас в курс дела?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет.

ВИКТОР. Какая жалость. Значит, мне придется это сделать. Дело в том, что ваш Роман должен мне некоторую сумму.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Деньги?

ВИКТОР. Денег, денег.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Занимал что ли?

ВИКТОР (*кивает с видом обманутого вкладчика финансовой пирамиды*). Ага.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сколько? (*Полезла за кошельком в карман халата*).

ВИКТОР. Да немного. Полторы тысячи всего.

Людмила Ивановна от неожиданности роняет кошелек на пол. Нагибается за ним, поднимает.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Старыми это?

ВИКТОР. Людмила Ивановна, вы девушка с чувством юмора.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*хватается рукой за подбородок, жалобно смотрит на Сергея и Наташу*). Неужели, столько ... Ой, мамочки. Где же мы ...

ВИКТОР (*перебивает*). Вы только не подумайте, Людмила Ивановна, что я вас обманываю. Тут все официально. Вот, расписочки даже есть. (*Достает из кармана пачку бумажных листов, часть кладет назад, другую оставляет*). Пять штук по триста рубликов каждая. Написаны рукой вашего сына, можете убедиться. (*Дает ей один лист*).

Людмила Ивановна читает. Руки у нее дрожат.

Разборчиво написано? “Я, Симонов Роман Петрович, такого-то года рождения, проживающий по такому-то адресу, паспортные данные такие-то, такого-то дня, такого-то месяца, такого-то года одолжил у гражданина, Тарася Виктора Олеговича триста рублей, которые обязуюсь вернуть тогда-то и тогда-то.” Узнали почерк?

Людмила Ивановна не отвечает. Смотрит на расписку.

Писалась, кстати, при двух свидетелях. При них вот. Там и подписи их есть. Ниже вот они. (*Показывает пальцем*). Ну, так что?

МОЛЧАНИЕ

(*Нараспев*). Людмила Ивановна!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сколько вы сказали?

ВИКТОР. Полторы тысячи.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. У нас нет таких денег ... Вот, сто рублей последние остались. *(Достает кошелек, открывает, показывает)*. И те от него прячу, чтоб не вытащил. Он же больной у нас. Мы с лечения недавно приехали. Я ссуду через знакомую брала. Возвращать еще надо. А я учительницей работаю. Зарплату нам не платят. По телевизору об этом даже говорят. А папка наш - по инвалидности пенсию получает. А я учитель, у начальных классов я. Где же мы возьмем?

ВИКТОР. Тихо, тихо, тихо. Я тоже работаю на заводе, можно сказать, вот этими самыми руками, эти самые деньги в поте лица зарабатывал. А потом, взял и по доброте душевной, отдал их вашему Роману. Он сказал, что ему на лекарства надо, что папа у него сильно болеет, сказал, что вы, Людмила Ивановна, потом вернете. Я взял и выручил его. И вот как все обернулось ... Так что делать будем?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не знаю.

ВИКТОР. А кто знает?

МОЛЧАНИЕ.

НАТАША. Витя, пошли, а?... Нечего здесь ловить.

ВИКТОР. Никто никуда не пойдет. Я за своим пришел. *(Вдруг тяжело задышал)*. Так что, Людмила Ивановна?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нету у нас ... денег.

ВИКТОР. Точно?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Точно.

ВИКТОР. А поискать если ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Где?

ВИКТОР. Там, там, там, там, там - везде.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. И там нету.

ВИКТОР *(смотрит на Сергея)*. Броня в сорок три пальца ... *(Людмиле Ивановне, ласково)*. Людмила Ивановна, проснитесь. Я не про деньги уже говорю.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А про что?

ВИКТОР *(морищет лоб, как будто у него болит голова)*. Про товары народного потребления, дорогая.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Про ...

ВИКТОР. Да, да, да. Про золотые изделия, про технику там японскую или корейскую, про меха. Есть такое?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. У нас?

ВИКТОР. У вас, у вас ... Есть?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нету.

ВИКТОР. Малоимущие что-ли? Или алкаши?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. У нас было. И обручальные кольца у обоих и серьги у меня с камнем. Цепочка даже была. А потом Ромка начал ... Заболел когда - и все.

ВИКТОР. О-е-е-е-ей, как грустно. Прямо слезы брызжут, тетя Люда. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о ... менюэте в туалете. *(Смеется)*.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что?

ВИКТОР (*резко*). Я говорю, ты расписки видела, мать?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Видела ... Да.

ВИКТОР. Плати, значит!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну я же сказала, у нас ...

ВИКТОР. Кончай стонать, а? С тобою по-хорошему говоришь, а ты уперлась, бля, как осел. Мальчика что ли надыбала?! Мальчика, а, тетка?!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Извините ... если я вас обидела ... чем-то.

ВИКТОР. Все ... Пойдем, лучше посмотрим, что у тебя есть. (*Пошел в комнату. Наташа за ним*).

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*Сергею*). Сыночек, родненький, ты скажи ему, другу своему, что нету у нас ничего. Мы ему потом вернем. С процентами вернем. А сейчас уйти вам надо. У нас папку нашего парализовало недавно. Ромку милиция с наркотиками поймала и к нам пришли, искали. А папке нашему плохо стало. Оскорбили они его. У него инсульт был. Парализовало его. Ты скажи ему, сыночек ...

СЕРГЕЙ. У вас попить можно?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. На кухне есть, кипяченая, в чайнике. Только ты скажи ему, а мы - потом вернем. Ты же хороший. (*Держит его за рукав*). Скажи, ладно. Попроси его.

СЕРГЕЙ. Скажу. (*Идет на кухню*).

Людмила Ивановна за ним. Наливает воды в стакан. Сергей пьет.

ВИКТОР. (*в комнате, озирается*). О-хо-хо-хо-хо. Россия, Россия. Вечная проблема: дороги, жулики и нищета. (*Громко*). Да, Батя?

Петр Петрович не отвечает, смотрит на экран.

Батя? Шоколадную конфету хочешь? "Белочку"? (*Смеется*).

МОЛЧАНИЕ

А девочку? Целочку, батя. (*Ржет. Наташа тоже*).

Петр Петрович молчит.

Эй? Ты че, слепо-глухо-немой патент?

ХОХОТ. ТИШИНА.

Виктор подходит к Петру Петровичу, выключает телевизор, разворачивает коляску. Водит перед глазами Петра Петровича рукой.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*крепко вцепился в подлокотники кресла*). Что вам от меня надо?

ВИКТОР. Взаимности ... Курить будешь?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Я не курю.

ВИКТОР. А я курю. (*Достал сигарету, зажигалку, закурил*). Ты чего, на самом деле не ходишь? Или притворяешься, чтоб на работу не ходить? Может, проверить? (*Крутнул колесико зажигалки*). Шучу. Деньги у вас где лежат?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. У жены все.

ВИКТОР. А у тебя нет?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Не держу.

ВИКТОР. У-у-у, как. (*Встает, смотрит на Наташу, делает вопросительный жест головой*). Ну че?

НАТАША. Телик-дрянь, не сдать. Посуда тоже ни о чем.

ВИКТОР. Слышишь, батя? В нищете вы, оказывается, живете.

С кухни приходит Сергей. За ним Людмила Ивановна.

Ну че, Серый? Че там есть?

СЕРГЕЙ. Там? Ничего. Вода.

ВИКТОР. Ой, блин, а. Куда мы попали? Так что, Людмила Ивановна, делать-то будем? Золото где держите?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. У нас нету.

ВИКТОР. Слышали уже. Может, займете деньжат-то? По соседям, по родне. Немного ведь надо-то. А?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Где же я займу-то столько? У нас бабушки одни в подъезде. Пенсионерки. (*Петру Петровичу*). Петя, у тебя не у кого?

Петр Петрович не отвечает.

ВИКТОР. Петя, тебя спрашивают.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Что?

ВИКТОР. Займи деньжат у друганов- алкашей, будь паинькой.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. У меня нет.

ВИКТОР. Друганов?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*подбородок у него задрожал*). Прекратите ... издеваться.

ВИКТОР. Ой, как мы заговорили. Может подеремся еще, а? Поспарингуем.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*вдруг упала на колени*). Мальчики, миленькие, его только не трогайте! Он больной у нас! У него insult был! Ему волноваться нельзя! Я вам верну все. До копейки верну. Потом только. Потом. Мальчики, миленькие, прошу вас! Сереженька, Витенька, Наташа ... Я все верну. (*Заплакала*).

СЕРГЕЙ. Пошли, Витек.

ВИКТОР (*очень странно глядит на Людмилу Ивановну*). Иди ... И ты, проשמандовка, иди. Только завтра свои долги принесете. А не принесете - в лес повезу ... Идите.

НАТАША. Ты чего, Витя? Я же с тобой ...

ВИКТОР. Да ... Со мной. (*Смотрит на Сергея*). А ты с кем? С ней? С этой тварью пресмыкающейся, а? С червем с этим, а? Тогда тоже на колени вставай.

СЕРГЕЙ. Витек, кончай.

ВИКТОР. Вставай, я сказал.

СЕРГЕЙ. Витек ...

ВИКТОР (*кричит*). Быстро!!!

Сергей медленно встает на колени.

Я за своим пришел. Свое забрать. Я не виноват, что ваш Ромочка мажется. Не я его на иглу садил. И не я ханку придумал. Так общество очищается. Все слабые вымрут, а мы останемся. Будет мир, покой и братство всеобщее. А то, что я банчу - это время такое. Каждый живет так, как может. У меня, между прочим, мать тоже училкой была. А потом умерла. От диабета. Гангрена на ногах началась. Говорили, в Москву ехать лечиться надо. А деньги-то где взять, а? Вот и умерла. И отец учителем был, трудовиком. Запил сейчас где-то. Сдох, может,

тоже уже. А я с бабкой живу. С четырнадцати лет. Квартира трёхкомнатная почти пустая. Вот мне один дяденька, бывший цыган, и говорит: “Может возьмешь немного попробовать толкнуть. Я твой адрес раздам. Будут к тебе приходиться. Сваришь им, всадишь, посадят немного и уйдут. При деньгах, говорит, зато всегда будешь”. Я подумал, подумал и согласился. Дурак. И вот теперь идут они ко мне каждый день, как к Господу Богу. Ползут. Эти твари, эти насекомые. Несут из домов все, все, что деньги стоит. У кого мамки на птичнике работают, несут яйца. У кого на колбасной фабрике - фарш и колбасу. Те с предприятий прут, а эти - у них. Экспроприация экспроприаторов называется. Другие шапки несут зимние, кольца обручальные, магнитофоны. И я беру. Некоторые не берут, берут только деньги. А я беру. И сам за них сдаю. Жалко потому что. А те, кому нечего нести, а воровать бояться, расписки пишут. А с этими расписками - к мамочкам. И мамочки платят, потому что дети у них единственные и любимые, какими бы они ни были. А те знают об этом и пользуются. И пишут, и пишут. Ясно, а? Ясно?

МОЛЧАНИЕ

Ладно, харе, вставайте. В церкви так стоять будете. Ну, подъем, подъем.

Людмила Ивановна поднимается с колен.

Рому вашего ждать будем.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Рому? Зачем? Он уехал ведь.

ВИКТОР. Никуда он не уехал. Натали ...

НАТАША. Сегодня его видела. С Кишкой кассеты сдавали.

ВИКТОР. Вот. А вы врете, Людмила Ивановна. Учительница ведь вроде. Чему детей- то научите? А? ... Анальгин у вас есть? (*Массирует рукой затылок, морщится*).

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что?

ВИКТОР. Таблетки. От головы, от мигрени, от боли. Есть?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Парацетомол только. На кухне.

ВИКТОР. Пойдемте.

Идут на кухню. Сергей и Наташа садятся на диван. О чем-то тихо говорят. Петр Петрович сидит спиной к телевизору, отрешенно смотрит перед собой. На кухне Виктор опускается на табурет. Людмила Ивановна достает пакет с лекарствами. Роеся.

ВИКТОР. Замучил вас сыночек-то ваш, а?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Это ... Чего?

ВИКТОР. Достал, говорю, Ромочка-то уже поди? Сил нет, жизнь кошмаром стала, а ?

МОЛЧАНИЕ

Так или нет?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Так ...

ВИКТОР. Очень плохо?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Плохо ...

ВИКТОР. Так убейте его. Все равно ведь загнется скоро. И себя, и его спасете.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Его ...

ВИКТОР. Или давайте - я. Придет ко мне за дозой, а я ему особую приготовлю. Так уж и быть, избавлю вас от этого чудовища.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Его лечить надо. Он больной. Болезнь это.

ВИКТОР. А он бы вас убил. За сто рублей вот эти, в халате которые. Кумарить начало бы и убил. Это они только с виду такие безобидные. На колени встают, как путевые, плачут, раскаиваются. А в мыслях одно только: где бы денег на день достать. Одним днем живут. Так что? Сколько заплатите, а?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Анальгина нет. Парацетамол только. *(Протягивает ему таблетки).*

ВИКТОР. Жалко? .. А зря, проще нового родить. Этот все равно уже обречен.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мы лечиться поедем.

ВИКТОР. Дело хозяйское. *(Глокает две таблетки).*

Молчат.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А вас ведь Виктор Тарась зовут, правда?

ВИКТОР. И что?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Вы не помните меня?

ВИКТОР. Ну и?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А я вас помню. Только сейчас вспомнила. Вы у меня в третьем классе учились. Из Казахстана вы приехали. Давно это было. Я тогда только начинала в школе.

ВИКТОР. Не помню.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну, как же? Вы еще на последней парте сидели. Рисовали еще всегда. Меня рисовали. Я тогда молодая была. Рисовали вы меня. Художником хотели быть.

ВИКТОР. Не помню.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Вы же тогда хороший были, добрый. Худой очень, правда. Я вам еще пироги свои приносила. А вы не брали. Помните?

ВИКТОР *(грубо).* И что из того?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не брали вы пироги ... мои. С капустой я делала ... Из магазинного теста ... А вы не брали. Стеснялись.

ВИКТОР. Не я это был.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Вы.

ВИКТОР *(встает).* Все, проехали, передумал я ждать. Через месяц приду. Соберете деньги?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Через месяц ... Соберем. Постараюсь я.

ВИКТОР. Не “постараюсь”, а соберете?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Соберу.

ВИКТОР. Ну все, гуд бай тогда. *(Пошел в комнату).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А родители у вас не учителями были, нет. У вас их вообще не было. Вы с бабушкой приехали. Из Казахстана вы приехали.

Виктор остановился, покраснел.

ВИКТОР. Ты че, тетка, броневая, не всасываешь? Не я это был! Поняла?! А?! А?!!!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не вы ... не вы. Ошиблась я. Маразм у меня. Не вы это были. Другой мальчик. Он умер потом. А вы через месяц приходите, я вам все денежки верну. Все верну. Через месяц. Найду я.

ВИКТОР. Не-е-е-т! Вот теперь-то я никуда не пойду! Ты сейчас мне все отдашь! Сядешь вот здесь, родишь и отдашь!! А если не сможешь, я дождусь твоего сыночка и в окно его спущу! Да, батя?

Петр Петрович не отвечает.

Ну, че у вас можно взять, а? *(Подошел к серванту, открывает створки, выкидывает вещи на пол).* Серый, идите в той комнате ищите.

Сергей и Наташа уходят.

МОЛЧАНИЕ

А он срать на вас хотел! Спит, наверное, и видит, когда вы подохнете, чтобы квартиру эту продать и промазать! Да, тетя Люда? Срать он на вас хотел? Как думаете, а?

Людмила Ивановна не отвечает.

Виктор переместился к полке с книгами.

А это че за говешки в красивой обложке? Нам Ленин строить и жить помогает? Твои, батя? Деньги в них прячешь? *(Берет книгу, трясет).*

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Не тронь, сопляк!

ВИКТОР. Че?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ *(сквозь зубы).* Не тронь, сказано! Убью!

ВИКТОР. Меня? За что, батя?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ *(поехал на него).* Вон из моего дома, говнюк! Быстро!

ВИКТОР. *(попятился).* Ой, не надо. Ой, страшно. Вы чего, задавите же.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Вон, скотина! Овца паршивая! Вон!

Из маленькой комнаты вышли Наташа и Сергей. Смеются.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Петя, остановись!

ВИКТОР *(свистит).* Остановитесь, товарищ водитель. Вы проехали на красный сигнал светофора.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Вон, гад!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Петя, стой!

ВИКТОР. Стой, Петя. Водитель серебристой иномарки приказываю вам остановиться.

Прижался спиной к стене. Смеется.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Убью, червяк! *(Подъехал к Виктору вплотную, замахивается).* Паскуда!

ВИКТОР. Нет, Петя, нет! Я еще так молод! Я не хочу умирать! *(Резко бьет его в лицо).*

Коляска опрокидывается. Петр Петрович вываливается из нее на пол. Лежит лицом вниз. Не шевелится.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА *(бросается к Петру Петровичу).* Мамочка! Мамочка! Убили! Ему нельзя! Головное давление у него! Инсульт! Нельзя ему! Петя, родненький! Встань! Проснись! Кровь, господи! Кровь! В кровь у него! Петя! Петечка! *(Пытается его перевернуть, у нее ничего не получается).* Ребятюшки, помогите мне! Умрет он! Голову поднять надо! Ребятюшки...

Сергей хочет подойти.

ВИКТОР. Стоять! *(Идет к пианино, открывает крышку, сильно ударяя по клавишам, играет похоронный марш. Кричит, пытаясь перекрыть музыку).* Они не могут! Они рабы! У них на руках клеймо рабов! Они мои рабы! А я наркотик! И Рома ваш - раб! Мой раб! Он точно также ходил со мной выбивать долги! Ходил к одной женщине, у которой трое детей, а старший у нее - на игле! И Рома ваш прижигал этим детям пальцы сигаретой, пока она не достала свои сбережения! Прижигал, потому что я так захотел! И если бы я сказал ему убить их, он бы сделал это! Потому что он раб! Раб по собственной воле! Он сам так захотел! Сам им стал! И вот теперь я пришел к нему! И к этим когда-то приду! И они знают об этом и молчат! Потому что они рабы! *(Смотрит на Сергея и Наташу).* Танцуйте.

НАТАША. Витя, кончай. Линять надо.

ВИКТОР. Я сказал, танцуйте! Танцуйте, суки!!! *(Играет).*

Сергей и Наташа начинают танцевать.

Людмила Ивановна плачет, пытается перевернуть мужа.

Из ванной в халате выходит Марина. В ушах у неё - наушники от плеера.

Виктор замечает ее, перестал играть.

МАРИНА *(снимает наушники).* Это чего? ..

ВИКТОР. Ничего. Новый год справляем.

МАРИНА. Вы кто?

ВИКТОР. А вы кто?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марина, иди к себе. Это соседка наша. Мыться она приходила.

МАРИНА. Что с отцом, Людмила Ивановна? У него кровь.

Идет к Петру Петровичу.

ВИКТОР. Упал он. Нос об пол разбил.

МАРИНА. Тебя не спрашивают. *(Вместе с Людмилой Ивановной переворачивает Петра Петровича. У того все лицо в крови).* Давайте его на диван. *(Переносят Петра Петровича на диван.)* Что здесь было-то?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ромка деньги должен.

МАРИНА. Ну, а вы-то при чем?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мать ...

МАРИНА. Вот ни фиги себе! Так. Молодые люди, освобождаем помещение ... Ну, быстро, быстро.

ВИКТОР. А вы кто вообще, девушка Марина?

МАРИНА. Жена.

ВИКТОР. Чья?

МАРИНА. Романа. Освобождаем помещение.

Никто не двигается.

Ну че, не ясно сказано! Милицию, что ли, вызвать?!

ВИКТОР. Попробуй.

МАРИНА. И пробовать нечего. Выметаемся. Устроили тут ... Ну, двигаемся. Быстро. *(Подходит к Виктору, выталкивает его из комнаты).* Давай. Пошел.

ВИКТОР. Ой! Ой! Без рук. Без рук. *(Падает в кресло).* Оп. Попу поднял - место потерял.

МАРИНА. Тебе че, неясно, что ли? Татарин, что ли? Давай, чеши отсюда.

ВИКТОР. А деньги?

МАРИНА. Какие деньги? Деньги ему! Нечего давать было!

ВИКТОР. У меня расписки есть.

МАРИНА. Подотри ими кое-что, своими расписками. Понял? *(Тянет его за руку)*. Ну ты че, мафия, не понял? Газуй отсюда. Живо.

ВИКТОР. Рука, ой рука! Вы мне руку сломали, девушка Марина.

МАРИНА. Че ты притворяешься, чмо? Пошел отсюда! *(Подняла его из кресла, выталкивает)*.

ВИКТОР *(бежит на кухню, закрывает дверь, держит)*. Не поймаешь, не поймаешь!

МАРИНА *(пытается открыть дверь)*. Ты откуда такой трудный-то взялся? Ё-мое!

ВИКТОР. Из Казахстана мы.

МАРИНА. Ну вот и топай в свой Казахстан! Давай! Достал уже.

Виктор смеется.

ПАУЗА.

Ну все! Ты меня вывел. В какой квартире телефон, Людмила Ивановна?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. В семнадцатой.

НАТАША. Эй, мы уже уходим.

МАРИНА. Поздно. *(Идет к двери)*.

ВИКТОР. Я вас люблю, девушка Марина.

МАРИНА. Я за тебя рада.

ВИКТОР. Вы девушка моей мечты, девушка Марина.

МАРИНА. Поздравляю.

ВИКТОР. Я вас хочу.

МАРИНА. Одно место не слипнется? *(Отпирает замок)*.

ВИКТОР. Я Кашея победил, я тебя освободил, а теперь, краса девица, на тебе хочу жениться.

Выбегает из кухни, подсакивает к Марине, сильно толкает ее ладонью в затылок.

Все в комнате вздрагивают.

Марина падает. Виктор бежит в комнату, кричит:

В машину ее несите! Ключи на! *(Кидает Сергею ключи)*. Быстро!

Сергей и Наташа идут в прихожую, поднимают Марину, выносят ее в подъезд.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сыночек, ее-то за что? Она же ничего ... Сыночек ... *(Ползет, вцепилась Виктору в ногу)*. Она же сирота тоже ... В общежитии живет ... Сыночек ... Дите у нее. Дите будет. Она же не наша даже, сыночек. Не жена она. Она приехала просто, сыночек ... Что вы с ней? Миленький! Не надо! Я завтра вам деньги найду. Много! Сколько захотите! Сыночек! Я квартиру продам! Сыночек! Куда вы ее?!

ВИКТОР *(вырывает ногу)*. Женюсь я, тетя Люда, отпусти.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет! Никуда не пойдешь, гад! В тюрьму я тебя! Это из-за тебя все! Из-за таких, как ты! Вас убивать надо! Расстреливать! А Ромка ни в чем не виноват! Ты все! Ты гад! Ты его приучил! В тюрьму пойдешь! Под расстрел! Все, арестованный ты.

ВИКТОР. Отпусти. Пну сейчас.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Пинай! Пинай! Все равно не отпущу! Убью тебя, гада! Ты Ромку погубил! Ты! И отец из-за тебя в коляске сидит! Инвалидом стал ... А ты его бил еще!!! Гад! Не прощу! Пирог я тебе носила еще! С ядом нужно было испечь! Гад! Убью тебя!

ВИКТОР. Отпусти, чиканутая. (*Вырвал ногу*).

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Стой, гад! Стой!

ВИКТОР (*достал расписки, бросил их на пол*). На. В расчете.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марину верни!

ВИКТОР. Пошла ты.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Верни Марину!

ВИКТОР. Обойдешься. (*Выбежал в подъезд, оставил дверь в квартиру открытой*).

Людмила Ивановна медленно поднимается на ноги.

Петр Петрович смотрит на нее мокрыми от слез глазами.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я в милицию, сейчас, Петя ... В семнадцатую квартиру пойду. Позвоню я. Они поймают их. Я фамилию его знаю. Тарась это. У меня в классе учился он. Кровь у тебя. На лице кровь. (*Подходит к нему, вытирает халатом*). В нос он тебя, да? И Марину стукнул. Упала она. Не в живот только бы. Ребенок ведь. Ромкин. Внук наш. Твой, Петя ... Пойду я. Звонить надо. Найдут их. А потом в больницу мы. Лечиться. Свадьбу после сыграем. Внук у нас будет. В деревню уедем. Там этих нету. Хочешь в деревню, Петя? Там воздух. Ты там выздоровеешь быстро.

МОЛЧАНИЕ

Пойду я ... Звонить ... Вернусь потом сразу. Ты лежи. Не шевелись. Ладно, Петя? Не шевелись. Пошла я. Сейчас я ... Скоро ...

Уходит.

Петр Петрович закрывает лицо рукой, рыдает.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Та же квартира. Прошел час. Все убрано. Петр Петрович по-прежнему лежит на диване. Лицо у него умыто. Людмила Ивановна сидит в кресле, подперев голову руками и покачиваясь всем телом. Глаза у нее красные, опухшие. Волосы в бедственном состоянии.

За окном раздается пьяный женский хохот.

Людмила Ивановна с надеждой смотрит на балконную дверь.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не Маринин голос, нет? Вроде не ее ... Надо еще позвонить сходить. Может, адрес неправильно записали. Или сказала не так. Все ведь может быть, а Петя?

МОЛЧАНИЕ

Да поговори ты хоть со мною. Что ж ты все время молчишь и молчишь, как неживой. Я что ли тебе виноватая? Я это все устроила?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Ты.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я ...

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Ты. Его не лечить надо было, а садить. А тебе жалко было все. На цыпочках перед ним бегала: "Ромочка-Ромочка".

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Да жалко! Ребенок он мой, потому что. Что ж я тебя-то не посадила, ты за мной по молодости с топором пьяный бегал? Пожалела тоже ... А он, может быть, из-за тебя такой стал. Помнишь как в садике его спросили про самое сильное впечатление, а он ответил, когда папка за мамкой с топором гонялся? Не помнишь?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Ясно.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не “ясно”, а оба мы виноваты.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*вдруг кричит*). Да?! И в коляске этой я по своей вине сижу?! Сам так захотел?!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*вздрыгнула, вскочила с кресла*). Что ж ты кричишь-то, Петенька? Я же ...

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. А что мне делать?! Пятки вам целовать?! Так делать?! (*Пауза.*) Тупорылая.

МОЛЧАНИЕ

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я позвоню еще пойду. Дом я неправильно назвала. Вот и не едут они. Вспомнила теперь. Дом с того адреса назвала.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Иди, иди. Пошлют тебя куда нужно, может. Давно пора.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Эх, ты ...

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Эх, я, да. Такой вот. С топором за вами бегал. На иглу посадил. Такой вот. Жизнь вам обоим испортил. Такой я.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Эх, ты.

МОЛЧАНИЕ

Позвоню я ...

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Ладно, иди.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*идет к двери*). Дом я с того адреса назвала. Совсем из ума выжила уже.

За окном снова смеется пьяная женщина.

Людмила Ивановна замирает, прислушивается.

В дверь звонят.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*помолчал*). В “глазок” посмотри.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*припадает к глазку*). Кто там?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Милиция. Участковый. Открывайте.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Облегченно вздыхает, открывает дверь.

На пороге стоит крупный милиционер с классическим ментовскими усами и такой же классической бордовой папкой под мышкой.

МИЛИЦИОНЕР (*входит в квартиру*). Вызывали?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*закрывает дверь*). Мы. Да.

МИЛИЦИОНЕР (*идет в комнату, осматривается*). Чиво случилось?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. У нас девушку забрали.

МИЛИЦИОНЕР. Куда?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я ... мы не знаем. Они не сказали.

МИЛИЦИОНЕР. Чиво за девушка?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марина. Студентка она. В педагогическом институте учится.

МИЛИЦИОНЕР (*почти раздраженно*). Кто такая? Дочь? Внучка? Любовница? Или просто так?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Никто. Она просто ... девушка.

МИЛИЦИОНЕР. А чиво делала здесь, если просто? Пили, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мы ... Нет, мы не пили. Мы вообще не пьем.

МИЛИЦИОНЕР. А чиво делали? Мне сказали, что пьяная какая-то звонила ... баба. Кто звонил?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я.

МИЛИЦИОНЕР. Ну и?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что?

МИЛИЦИОНЕР. Чиво звонили?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Девушку у нас забрали. Похитили.

МИЛИЦИОНЕР. Марину? Студентку? Комсомолку?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет ... То есть, да.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, а чиво она здесь делала-то, Марина эта? Пили?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет, она просто приехала.

МИЛИЦИОНЕР. А потом чиво делали, если не пили?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сидели. Ела она. Покормила я ее.

МИЛИЦИОНЕР. А ее чиво, дома-то, не кормят, что ли? Чиво к вам-то пришла?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Она из другого города приехала. В гости к нам.

МИЛИЦИОНЕР. Зачем приехала?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*дрожащим голосом*). Сноха она наша, затем и приехала.

МИЛИЦИОНЕР (*сел на подлокотник кресла*). Интересно. Сноха значит. Быстро же снохой стала. Так чиво: сноха или просто так, а мать?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не сноха, а невеста она ... сына нашего.

МИЛИЦИОНЕР. Любовница, в общем.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет они расписываться пойдут.

МИЛИЦИОНЕР. Понятно. А сын где?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет его. Она когда приехала, его не было. Не пришел еще.

МИЛИЦИОНЕР. А где он?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не знаю я. Он мне не сказал.

МИЛИЦИОНЕР (*устало растирает глаза*). Ясно. Зовут как?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Меня? ...

МИЛИЦИОНЕР (*зевает*). Ехоо.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А?

МИЛИЦИОНЕР. Его? Как зовут?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Роман.

МИЛИЦИОНЕР. Полное имя.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Симонов Роман Петрович.

МИЛИЦИОНЕР. Это который наркоман, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (неуверенно). ... Нет.

МИЛИЦИОНЕР. Чиво нет-то? У меня на участке только один Симонов Роман Петрович.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. (снова неуверенно). Мы полечились недавно.

МИЛИЦИОНЕР. Ну и что? Все равно же наркоман он. Ему, кстати, повестка недавно приходила. Почему не явился?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не было ... Не получали мы.

МИЛИЦИОНЕР. Не надо. Не получали они. У нас лично в руки вручают.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я не получала. *(Смотрит на Петра Петровича)*. Петь, при тебе не приносили?

Петр Петрович молчит.

МИЛИЦИОНЕР. Ладно. Сейчас выпишу еще. Только чтобы пришел он, ясно? *(Достает из папки бланк, кладет его на колени, пишет)*.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А зачем его надо?

МИЛИЦИОНЕР. Побеседовать. *(Закончил писать, оторвал от повестки корешок)*. Вот, распишитесь здесь.

Людмила Ивановна расписывается дрожащей рукой.

Пришел чтобы. Обязательно.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Вас, кажется, не за этим вызывали.

МИЛИЦИОНЕР. Сделаем два дела сразу, значит. А то я чо с этой повесткой к вам на пятый этаж десять раз должен бегать. *(Кладет корешок в папку)*. Так ведь?

ПАУЗА.

Ну так чиво? Рассказывайте теперь. Приехала, значит, к вам эта девушка ... как ее?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марина.

МИЛИЦИОНЕР. Вот, Марина, значит. Она, чиво, тоже наркоманка, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет. Студентка она.

МИЛИЦИОНЕР. Одно другому не мешает, допустим.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Она хорошая.

МИЛИЦИОНЕР. А сын ваш чиво, Симонов Роман Петрович, плохой, значит?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Он ... Он больной ведь.

МИЛИЦИОНЕР. Так он же лечился, кажется? Или нет?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Он это ... Опять стал.

МИЛИЦИОНЕР (протяжно). Ясно. Работает?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Кто?

МИЛИЦИОНЕР. Он? Роман Петрович?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. На бирже он. Не устроится еще никак.

МИЛИЦИОНЕР. И сколь платят?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Восемьдесят четыре рубля. Но пока только один раз давали. Задерживают у них тоже.

МИЛИЦИОНЕР. Понятно. А деньги-то где берет?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. На что?

МИЛИЦИОНЕР. Ну, на эту ... на ханку? Или чем он там колется-то у вас?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не знаю я.

МИЛИЦИОНЕР. А кто знать-то должен? Вы же - мать. Из дома-то чиво-нибудь пропадало?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет. У нас нечего брать.

МИЛИЦИОНЕР. Вынес уже все, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мы не нажили. Учительница ведь я.

МИЛИЦИОНЕР. Ясно. Так где он деньги-то тогда берет? Ему ведь сейчас уже много надо - "кубом"-то не отделаешься. А?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я не знаю. Он дома не живет почти.

МИЛИЦИОНЕР. Ворует, значит.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Он не станет воровать, он вас боится.

МИЛИЦИОНЕР. Кого нас?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Милицию.

МИЛИЦИОНЕР. А чиво нас бояться-то? Звери мы, что-ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Били его один раз.

МИЛИЦИОНЕР. И чиво? Сам, наверное, виноват, вот и ударили разок. Не воровал бы, не тронули.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не ворует он.

МИЛИЦИОНЕР. А чиво делает-то? На че колется, не ворует раз?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. В долг он брал.

МИЛИЦИОНЕР. У кого?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. У того, котрый Марину забрал.

МИЛИЦИОНЕР. А-а-а, вот в чем дело. Ну-ка, расскажите-расскажите. Пришел он к вам, значит, да?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Трое их было. Девушка и два парня.

МИЛИЦИОНЕР. И чиво?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Расписки принесли. Ромка написал.

МИЛИЦИОНЕР. На сколько денег-то?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. На полторы тысячи. Новыми. На тетрадных листах все написаны.

МИЛИЦИОНЕР. Ну. Пришли и чиво говорят?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Деньги просили.

МИЛИЦИОНЕР. В подъезде стояли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет, сюда зашли.

МИЛИЦИОНЕР. Вломились что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Почему вломились? Я сама пустила.

МИЛИЦИОНЕР. А пустили зачем? Вы чиво всех вот так пускаете, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет. Я думала - они по хорошему ...

МИЛИЦИОНЕР. А они чиво?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ругаться начали.

МИЛИЦИОНЕР. Матом, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я не помню. Всяко вроде. Один только ругался. Другие нет.

МИЛИЦИОНЕР. Это который? По именам они друг друга называли? Или по кличкам там?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Называли. По именам называли. Сергей ... Виктор, Сергей и Наташа. А у Виктора я и фамилию даже запомнила. В расписке она была написана. Тарась у него фамилия.

МИЛИЦИОНЕР. Выражался который из них?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Вот, Виктор этот. Он еще в классе у меня учился. В третьем.

МИЛИЦИОНЕР. Плохо учили, значит, раз материться умеет. Лучше учить надо было.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Он один год учился только.

МИЛИЦИОНЕР. Ладно. Ну, поругался он, и чиво дальше? Ушли они?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Отца еще ударили.

МИЛИЦИОНЕР (*кивает на Петра Петровича*). Его, что ли? (*Петру Петровичу*). Вас?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Его, да.

МИЛИЦИОНЕР. Побои-то есть? (*Встал, подошел к дивану, разглядывает Петра Петровича*). Куда ударили-то?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. В нос. Кровь даже пошла.

МИЛИЦИОНЕР (*нагнулся, заглянул Петру Петровичу в ноздри*). Ладонкой, что ли? Не видно чиво-то, чтоб опухло. Ладонкой?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я не видела. С коляски он упал. Инвалид он у нас. Не ходит.

МИЛИЦИОНЕР (*стоит возле серванта, рассматривает посуду*). А ударили-то за что? Просто так, что ли? Или сам чиво, а?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Этот Виктор стал книги брать, а Петя запретил.

МИЛИЦИОНЕР. А брал-то чиво?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А?

МИЛИЦИОНЕР. Ну, зачем книги-то брал? Унести что ли хотел?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет, просто брал. Деньги в них - думал.

МИЛИЦИОНЕР. Ну?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А Петя сказал, чтоб он не трогал.

МИЛИЦИОНЕР. Выражался.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Кто?

МИЛИЦИОНЕР. Ну, Петя? Муж ваш?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Это ... он говорил ...

МИЛИЦИОНЕР. Чиво говорил?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. “Не трогай. Не твои.” Так говорил.

МИЛИЦИОНЕР. Так выражался или нет?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Да.

МИЛИЦИОНЕР. Вот так и говорили бы сразу. (*Смотрит на Петра Петровича*). Зачем ругались-то, а?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Я не намерен терпеть в своем доме всякое отребье.

МИЛИЦИОНЕР. А сынок ваш, Симонов Роман Петрович, не отребье? Заговорили как. Ходят к вам все, кому не лень, провоцируете их - вот вас и бьют по носам. Мало еще дали. Надо было больше дать.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*поднялся на локтях*). Что?! Да я ...

МИЛИЦИОНЕР. То! Воспитали гниду, да еще жалуются тут потом. Нормальный был бы - никто б к вам не ходил, не бил бы вам рожи. Сами себе такую жизнь устроили. Вот и живите теперь.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Ах ты, гад!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Петя!

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Да ты завтра же из своей “ментовки” вылетишь! Я к прокурору пойду! Напишу на тебя! Завтра же вылетишь!

МИЛИЦИОНЕР. Давай, пиши, писатель. Я вашего Симонова Романа Петровича завтра закрою, вот тогда поговорим. А то раскудахтался тут. Напишет он. Грамотный, что ли?

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. А ну пошел отсюда, сопля ментовская!

МИЛИЦИОНЕР. Чиво?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Петенька, да что же ты делаешь, господи?!

МИЛИЦИОНЕР. Чиво ты дед, сказал?!

ПЁТР ПЕТРОВИЧ (*тяжело дышит*). Вон! Вон из моего дома!

МИЛИЦИОНЕР. Тебе чиво мало по носу, что ли дали? Еще дать? (*Замахнулся*).

Петр Петрович закрылся руками.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ой! Ой, не надо! (*Встала между Петром Петровичем и милиционером*). Не бейте его! Пожалуйста! Он же больной! Инвалид он! Не бейте!

МИЛИЦИОНЕР. Да нужен он мне. Сам подохнет.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Я тебя запомнил. Ты мне ответишь. За все ответишь.

МИЛИЦИОНЕР. Чиво?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Петя! Петечка, да помолчи же ты ради Бога! Что же это, господи?!

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Я - молчать?! Я, который из-за этих тварей ходить не могу! Я молчать?!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну, пожалуйста, Петечка, прошу тебя! Господи!

МИЛИЦИОНЕР. Все. Свободны. *(Взял с кресла папку, пошел к двери).*

Людмила Ивановна за ним.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Как же это? А Марина что? Они же ей сделают что-нибудь!

МИЛИЦИОНЕР. А мне-то чиво? Нечего пускать было, кого не попадя.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Но вы же ...

МИЛИЦИОНЕР. Чиво я? Сопля я ментовская.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Это он не специально. Нервы у него.

МИЛИЦИОНЕР. У меня тоже нервы.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну, простите нас, пожалуйста! Они же убьют ее!

МИЛИЦИОНЕР. Ничиво с ней не будет. Сама поди пошла.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ребенок же у нее. Беременная она. *(Заплакала).*

МИЛИЦИОНЕР. Не буду я заявление брать, сказал же. Не вижу надобности.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА *(схватила его за руку).* А куда же мне теперь?

МИЛИЦИОНЕР. Сама придет. А до завтра, если не появится, к дежурному идите.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Завтра ...

МИЛИЦИОНЕР. Завтра, завтра. Все. Спокойной ночи. *(Вышел).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мамочки, да что же это делается?! Господи! Что же это?! *(Идет в комнату).* Зачем же ты Петя? Зачем же ты ему нагрубил? Куда же нам теперь? Ой-ей-ей! *(Села в кресло, закрыла лицо руками).* Кошмар. Один сплошной кошмар. Все куда-то летит. Куда-то катится. Куда-то несется. И никак не остановить это уже. Словно случиться что-то должно. И случится. Чует мое сердце. Чует оно. *(Пауза.)* Ой как все плохо. Как плохо! И просвета не видно. Нету его. Никогда не будет. *(Смотрит на Петра Петровича).* И ты еще со своей гордостью лезешь! Суешься. Нам не до гордости теперь. Нам Марину выручать надо, Ромку лечить. А ты лезешь куда-то, портишь все. Я давно про свою гордость забыла. Выкинула ее. Похоронила. Сгнила она уже. А ты все лезешь, суешься. А чего добился-то? Морду тебе разбили. Так и правильно сделали. Сидел бы, молчал в трубочку и никто б тебя не тронул. Так нет - мы гордые, мы молчать не любим - и вот результат. А сидел бы, молчал, они может быть, и Марину не тронули. А ты молчишь, когда ненужно только, когда я с тобою разговариваю. А девка теперь за тебя отвечает где-то. Убили ее, может быть, уже. А тебе плевать. На всех нас плевать. Тебе Ленин, вон, твой, которого не читал ни разу - вот твоя семья.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Замолчи.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Замолчу. Скоро уже. Недолго мне осталось.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Замолчи.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Замолчу. Вылечим Ромку, уедем к Марине в деревню. У нее дом там. Останешься здесь один, никто тебе больше слова не скажет. Радуйся, избавишься от нас наконец-то.

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Дура.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А кто еще, как ни дура, раз живу с тобой! Ты мне Ромку загубил! Ты! Ты все! Из-за тебя это!

ПЁТР ПЕТРОВИЧ. Больная.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Давно уйти нужно было. Ромку взять и уйти. Подальше от тебя. Чтоб не видеть и не слышать! Рожи твоей недовольной, чтобы не видеть! Что он тебе такое сделал, что ты его так ненавидишь!? Он же больной просто. Он же сын твой. А ты ненавидишь его. “Бесполезно его лечить!” Не твои слова? Не твои?! На лечение когда уезжали, ты так сказал. А он слышал все. Понял. И снова потому начал. А ему поверить нужно было. Поверить, что все хорошо будет. А ты сказал такое. Вот он и начал снова. Да что с тобой говорить?! *(Пошла в маленькую комнату).*

Пётр Петрович отвернулся к спинке дивана, обхватил голову руками. Тихо плачет.

За окном снова смеется пьяная женщина. Слышны хмельные мужские голоса. Дразнят собаку. Собака, захлебываясь, лает.

Людмила Ивановна выходит из комнаты, оделась.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Я в милицию пошла. Закрою тебя.

Пётр Петрович молчит.

Людмила Ивановна идет в прихожую, обувается.

Звонок в дверь.

Людмила Ивановна смотрит в глазок, открывает.

На пороге Марина. Она в халате, босиком. Лицо исцарапано, разбито, опухло. Молча входит.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мариночка...

Марина берет сумку со своими вещами, идет в маленькую комнату.

(следом). Мариночка ... они тебя били? *(Стоит перед дверью).* Били они тебя? .. В милицию нужно идти. Поймают их ... Били они тебя? Мариночка, да что же ты молчишь? Кровь же у тебя. Нужно к врачу, наверное, Мариночка.

Марина выходит из комнаты. На ней джинсы, свитер. Идет на кухню. Открыла кран, умывается.

Людмила Ивановна идет за ней.

Марина, где ты была? Что они делали-то? Били они тебя?

МАРИНА *(оторвала голову от раковины, смотрит на Людмилу Ивановну; голосом, непохожим на прежний).* Трахали!!!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. *(шепотом).* Что? Как это?

МАРИНА. Вот так! *(Засовывает указательный палец в сложенную трубочкой ладонь).* Как обычно! Как всех трахают! Понятно?!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Насиловали, что ли?

МАРИНА. Вот-вот. *(Снова пошла в маленькую комнату, взяла сумку, направилась с нею в прихожую. Надевает туфли.)*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ты куда, Марина? В милицию нужно идти. Заявление писать. Куда ты?

МАРИНА *(равнодушно).* Домой. В общагу. Куда еще?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А в милицию как же?

МАРИНА. Идите, если вам нужно.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А ты?

МАРИНА. А я домой. *(Встала).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну давай не пойдем в милицию. Не пойдем.

Марина хочет открыть дверь.

Не пущу я тебя.

МАРИНА. Пустите.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нет, не пущу.

МАРИНА. Пустите.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ты чего, Мариночка? Из-за Ромки ты это? Так мы не расскажем ему. Не узнает он ничего.

МАРИНА. Пустите, я сказала!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не узнает он, Мариночка!

МАРИНА. Дура! *(Бросила сумку, пошла в комнату).* Дура! Дура! Дура! *(Сорвала с кресла покрывало, швырнула его на пол).* Знает он уже все, твой Ромочка! Знает все! Видел он меня! Видел! В подъезд он заходил! И видел все! И побежал! Бросил меня! Кинул! Пятки только сверкали! Вот он, Ромочка ваш! Такой вот! Плевать он на меня хотел! И на вас тоже! Это вы возитесь с ним как с младенцем! А ему плевать на вас! На всех плевать! На себя даже плевать!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марина ... Мы полечим его. Все хорошо будет. Марина.

МАРИНА. Что, Марина? Умерла Марина! Уехала! Кончилась! Все! А лечиться он ездил, дозу чтобы сбить! Они мне сказали! А им он! Дозу он сбивать ездил, а не лечиться! Потому что денег много уходить стало. Понятно вам?! Понятно?!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Неправда это.

МАРИНА. Да пошли вы все! Не верьте, мне-то что! Мне вас жалко! Проснуться уже пора! Я, слава богу, проснулась! А вы спите все! Спите! В могиле только, наверное, проснетесь! Да черт с вами. Живите как хотите. Лечите его хоть всю жизнь. Хоть десять жизней. Неизлечимо это. Неизлечимо. *(Пошла в прихожую, подняла сумку, открывает дверь).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА *(вцепилась в сумку).* Пройдет это у тебя, Мариночка, пройдет. Ты же любишь его. А это оттого, что они тебя ...

МАРИНА. Да не насиловали они меня - нужна я им. Наврала я. Покатали и выбросили. Но он-то видел все. И убежал. А это не пройдет. Такое не проходит! Понятно?! Пустите!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мариночка, да что же ты делаешь? Куда же ты пойдешь? Электрички уже уехали все.

МАРИНА. На вокзале я. Пустите.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. А ребенок как же? У тебя же ребенок от него. Внук наш.

МАРИНА. Какой ребенок?! На дороге он где-то! Кровавый понос был! Раз и все! Нету его больше, понятно?! Пусти! *(Оттолкнула Людмилу Ивановну, выскочила в подъезд, быстро спускается, рыдает).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Марина ... Марина ... Марина ... Марина ... *(Закрывает дверь, идет в комнату. Встала у окна. Молчит).* Все, Петя ... Не будет у нас внука ... И свадьбы не будет ... И лечиться мы не поедem...И в деревню тоже. С тобой будем ... А впереди что - не знаю я. Никто не знает. Туман один там ... Туман.

МОЛЧАНИЕ

Ромку жалко ... Тебя жалко ... Себя жалко. *(Пауза.)* А помнишь как я рожала его? А ты тогда с воспалением легких лежал в соседней больнице ... А я рожала. Мне больно было. Резали

меня. Крупный потому что был. Вроде первый - и крупный. Хотели по частям доставать, а я не дала. Плечико у него заклинило, помнишь? Меня стали резать, а он все равно не выходил. Со мной, наверное, хотел остаться. Во мне ... А потом ему ключицу сломали и вышел он ... Синий весь уже почти. Но откачали. Врач хороший попался, помнишь? .. Хотя я тебе не рассказывала вроде. Да, не рассказывала. Боялась, что любить меньше будешь ... Его. *(Пауза.)* А ты все равно почему-то, не любил. Странно так ... Может быть, рассказать нужно было? .. Чтобы ты знал, как ему тяжело было в этот мир входить. И потому, может, и здесь тяжело.

МОЛЧАНИЕ

Его ведь, когда я родила, не показали мне даже. Забрали и унесли куда-то. А я послед осталась ждать ... И вот теперь его опять у меня забрали. Вроде и здесь он, а нет его. И не вернуть уже, наверное. Никогда.

МОЛЧАНИЕ

Ты, Петь, прости меня, ладно? Не виноватый ты ни в чем. И я не виноватая. И Ромка даже не виноват. Судьба видно, у нас такая. Там ведь *(показывает вверх)* уже записано- кому что. Вот и нам написали Постарался кто-то. *(Улыбается.)* Так что жить с этим надо. Борься и жить. Только вот как бороться - не знаю. *(Пауза.)* Так ты не обижаешься больше, Петя? А?

МОЛЧАНИЕ

Не обижаешься, Петя?

Тишина.

Ты спишь что ли?

Пётр Петрович не отвечает.

Спишь?

Нет ответа.

Петь ... Петь ... Петрович?

Идет к Петру Петровичу. Трясет его.

Петь ... Спишь что ли?

Переворачивает его, отшатывается.

Ты чего, Петя? Ты чего с открытыми глазами-то спишь? Они у тебя красные уже все. Ты чего? .. Тебе плохо? .. Скорую, может? Петя? .. Петя? .. “Скорую” вызвать? Петя? .. Скорую, Петя? .. Голова у тебя болит? Петя...

МОЛЧАНИЕ

Сейчас я. Ты потерпи маленько. Сейчас я. “Скорую” сейчас вызову. Это у тебя от переживания так. Сейчас я ... Ты потерпи только. Не уходи никуда. Сейчас я ... До соседей и назад ... Ладно? Потерпи. А я туда - и назад сразу.

Пошла. Ноги у нее подкосились, опустилась на пол.

Снова поднялась.

Сейчас я.

Подошла к креслу, села.

Сейчас я. Посижу только маленько. Ноги чего-то. Устала я ... Посижу и скорую тебе ... Ладно? Ладно, Петя? А то ноги у меня ... Как ватные ноги у меня. Не чувствую их ... Отчего бы это? Заболела, может? А?

МОЛЧАНИЕ

Вот ... повестка Ромкина здесь лежит ... Надо не забыть показать, а то приедут за ним ... Приводом увезут ... Напомнишь мне, ладно? .. А то ведь у меня памяти совсем не стало ... Дети в школе смеются даже ... Второклассники ... Смеются, да ... И в учительской косятся ... Уволят, наверно, скоро ... Торговать тогда пойду ... Семечками вон ... Деньги, может, появятся зато ...

Ромку полечим ... Купим всего в квартиру ... А то ведь живем, правда, как бомжи ... Ничего ведь нет ... Шкафы вот эти уже двадцать лет глаза мозолят. Облезли все давно ... Одно слово, что югославские ... Ничего нет. Не нажили ... Вот так залезет кто и взять нечего. Стыдно даже ...

МОЛЧАНИЕ

Мы только друг у друга и есть ... Я у тебя, ты у меня. И Ромка у нас. А больше ничего нет ... И не будет, видно. Да что же это я сижу-то. Тебе же "скорую" надо. Голова же у тебя болит. Сейчас я.

Встает. Снова садится.

Не идут ноги. Что с ними такое? Не идут и все. Может, на нервной почве это, а? Не знаешь? *(Пауза.)* Тоже не разбираешься. Вот и я. Ромка когда, помнишь, начал, мы все понять не могли, что у него за точки на руках. Комары, говорил, накусили. А мы верили ... И потом, когда у него ломки эти были, тоже ничего понять не могли. Думали, заболел, может чем. А когда врача вызвали, она нам и сказала ... И то не верили сперва. Думали, ошиблась. Не верили, что такое с нами может быть. А оказывается, что может. Со всеми может. Как пословица-то? От сумы да от тюрьмы - не зарекайся. И от этого тоже не надо ... Ну все, пошла я. Не лучше тебе? Нет? Спят у Вальки, наверное, уже все. Но ничего - разбужу. Пошла.

Встает. Опять садится.

Старые мы стали. Вроде и пожили-то всего ничего, а состарились. А может, Земля это состарилась. Может, умрет она скоро. Не будет ее. Ведь неспроста же это все: войны эти, СПИД, наркотики. Для чего-то же ...

В замок всовывают ключ, проворачивают.

Людмила Ивановна замолкает.

Входит Роман. Стоит в прихожей.

РОМАН. Ма, иди сюда.

Людмила Ивановна безразлично смотрит на него.

Ма, ну иди, дело есть.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что Рома? Так говори.

РОМАН. Ну иди, че трудно, что ли?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Не могу я, Рома. Устала.

РОМАН. Да че ты притворяешься опять... Иди.

Людмила Ивановна кое-как встает. Тяжело передвигая ноги, идет к нему.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что, Ромочка?

РОМАН. Тут парень один по дешевке кассеты продает. Видео. Давай возьмем у него. А потом, когда видик будет, сразу кассеты не надо покупать.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Видео ...

РОМАН. Ну. Все равно же видик купим. Я вот работать устроюсь, и купим. Мне тут уже в фирму одну предложили идти ... Давай возьмем кассеты. Там хорошие. Лицензионные. Есть у тебя деньги?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Мне гроб покупать надо.

РОМАН. Ну че ты начинаешь опять? Ерунду какую-то. Гроб какой-то придумала. Ну давай возьмем, ма. По пять рублей всего. Десять штук у него. Полтинник надо. Есть у тебя деньги? А?

МОЛЧАНИЕ

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Папка умер.

РОМАН. Да, ма, перестань. Кассеты лицензионные. По пятерке всего. Полтинник надо.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Папка у нас умер. *(Пошла в комнату, села в кресло).*

РОМАН. Ма ...

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Повестка тут тебе. В милицию надо.

РОМАН *(идет в комнату).* Ма, ну дай полтинник. *(Бросил беглый взгляд на диван. Замер, изменился в лице).*

ПАУЗА.

Па ... Па ... Па ... Па ... *(Идет к Петру Петровичу, трясет его).* Па! .. Па! .. Папа! Папа! Па! Па! Папа! Папа! Папочка! Папочка! Па! Па-апа!!! *(Сел на пол рядом с диваном, скулит).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА *(вперила глаза в пол, покачивается).* Марина приезжала ... Ребенок у нее будет. Неизвестно еще кто. Два месяца всего срока. Но я - мальчик, думаю. В родне у нас у всех парней больше, чем девок. А ты кого хочешь?

Роман не отвечает, скулит.

Замуж она за тебя хочет идти ... А сейчас к бабке своей поехала. Деньги у нее возьмет. На лечение тебе. У нее есть, говорит. На смерть лежат. Только бы не подорожало там. Как думаешь, не подорожало? *(Пауза.)* Не подорожало?

РОМАН. Это я? .. Это из-за меня все?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Подорожало если, занимать придется у кого-то ... У кого вот только. Ума не приложу. Все без денег ведь сидят.

РОМАН. Это из-за меня?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Нищие все. Вот так случись что-нибудь и похоронить не на что даже. Все нищие стали. Или были ...

РОМАН. Мама, прости меня, мама. Это я все. Я все сделал с вами. Мама!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Что, Ромочка?

РОМАН. Мамочка, прости меня! Прости, мамочка!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. За что, Ромочка? За что, маленький?

РОМАН *(встал, ревет).* Это я вас, мама! Я! Я вас так! Я вас! Я вас всех! *(Подожел к креслу, упал на колени, положил голову на подлокотник).* Прости меня, мамочка! Моя мамочка! Мамочка моя! Мамочка! Зачем я вас так?! Я же люблю вас! Всех вас! Всех!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Тебя лечить надо.

РОМАН. Не надо, мамочка. Я сам. Сам я. Клянусь тебе, мамочка! Отцом клянусь! Сам я! Я жить хочу, мамочка! Как все - жить. Для тебя жить, мамочка!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА *(трогает ему голову).* Волосы у тебя грязные. Помылся бы.

РОМАН. Я помоюсь. Помоюсь. Только ты не бросай меня! Я один боюсь! Страшно мне одному! Умру я один! Не бросай меня, мамочка! Не бросай!

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Куда я денусь-то?

РОМАН. Я работать пойду. Мы жить начнем. Уедем отсюда потом. Учиться снова буду. Заочно буду. А тебя на юг увезу. Дом там построю. Тебе, мамочка. Поживешь хоть. А то ведь ты еще не жила совсем. Мучилась только. А теперь жить будешь. Жить, мамочка! *(Замолчал).*

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*глядит его по голове*). Я на юге никогда не была даже. Тепло там, да?

РОМАН. Тепло.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Пальмы там, говорят, растут.

РОМАН. Растут.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Но не такие, как в Африке, вроде, да?

РОМАН. Маленькие там.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Посмотреть бы.

РОМАН. Посмотришь.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Думаешь?

РОМАН (*поднял голову*). Мне сходить надо.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Сходить?

РОМАН. Там ждут меня.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ждут?

РОМАН. Ждут.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ну иди, раз ждут.

РОМАН (*встал*). Я быстро. Спущусь только и назад.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ладно.

РОМАН. Быстро я.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Хорошо.

ПАУЗА.

РОМАН. Ты мне это ... У тебя деньги есть?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Деньги?

РОМАН. Есть у тебя?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Есть.

РОМАН. Ты это ... дай мне немного. Надо мне.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Ладно. (*Достала кошелек, вынула сто рублей*). Вот.

РОМАН (*взял деньги*). Я сейчас. Быстро я ... (*Пошел к двери*).

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (*две крупные слезы побежали по ее щекам*). На все купи.

РОМАН. Что?

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. На все купи. Не хочу я пальмы смотреть ненастоящие ... На все купи.

РОМАН. Понял я.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА. Хватит там?

РОМАН. Хватит. (*Открыл дверь, вышел*).

... и пошла чума дальше. В другие дома, в другие квартиры, в другие мирки. И некому остановить ее. Потому что все знают, что если не думать, то ничего и не будет.

Главное, не думать...

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

Все авторские права сохраняются.

Постановка пьесы на сцене возможна только с письменного согласия автора.